

АЛЕКСАНДР АРЦИБАШЕВ

СПОТКНУТЬСЯ — НЕ ЗНАЧИТ УПАСТЬ

К 80-летию Василия Александровича Стародубцева

Всякий раз, встречаясь с Василием Александровичем Стародубцевым, испытываю некую неловкость, будто в чем-то провинился перед ним. Впрочем, схожее чувство и по отношению к другим крестьянам. От века им жилось туго. Стоило только мужику чуть приподняться, как тут же на него обрушивался гнев господ. Откуда это пошло: господа и смерды? Если вникнуть глубже в суть вопроса, то как раз крестьянин-то куда ближе к Богу, поскольку труд на земле искони почитался за самое богоугодное дело.

Родина Стародубцевых — село Воловчик, что на Курщине (ныне Липецкая область). Большая крестьянская семья. У Александра Игнатьевича и Александры Ивановны было шестеро детей: Василий, Дмитрий, Федор, Алексей, Катерина и Лидия. Отец и мать работали в местном колхозе “Парижская коммуна”. Ребятишки с малых лет помогали на подворье: огород, корова, птица... Вряд ли кто из земляков предполагал, что босоногие братья Стародубцевы станут знаменитостями. Но прежде испытала на прочность тяжелейшая война.

Отца, как и других мужиков, сразу забрали в армию. Пахать и сеять пришлось малолеткам. Немцы не церемонились с жителями оккупированных территорий: отбирали зерно, мясо, молоко, яйца, другие продукты, заставляли работать на вермахт, молодежь угоняли в Германию. Как уцелели Стародубцевы — одному Богу ведомо...

Беседую с Василием Александровичем в его временной депутатской квартире на юго-западе Москвы. Несмотря на почтенный возраст (почти восемьдесят лет), он и не думает об отдыхе. Бодр, подвижен, собран. Как члену комитета по аграрным вопросам Государственной думы Российской Федерации, ему приходится много колесить по стране, вникать в крестьянские проблемы, доказывать на разных уровнях, насколько важна поддержка деревни. В результате демократических “реформ” мощнейший агропромышленный комплекс наполовину развален, миллионы пахарей и сеятелей остались без работы, импорт продовольствия превысил все разумные пределы. Россия, по сути, утратила продовольственную безопасность.

Слово Стародубцева весомо, пользуется большим авторитетом в крестьянской среде. Чуть выдастся свободное время, он уезжает домой, в село Спасское, где на местном кладбище покоятся родители, жена Тамара Александровна, брат Дмитрий, сын Александр. Тяжело вспоминать прожитое, судьба-то выпала не из легких.

— Первый раз взялся за плуг в десять лет, — начал издали Василий Александрович. — В войну лошадей в колхозе почти не осталось, впрягали в плуги коров, быков. Чего на них напашешь? Но все-таки сеяли пшеницу, ячмень, гречиху. Немцы, как только заняли село, поставили у школы виселицу. Объявили, за что будут карать: связь с партизанами, неподчинение новому порядку, воровство... Первый раз они простояли в селе около четырех недель. В конце декабря сорок первого года ударили сильные морозы. Однажды, видим, фашисты чего-то забегали, засуетились, стали минировать склады. Догадались: где-то рядом наши. Мы, пацаны, повылазили из погребов и бросились к околице. Охота было увидеть наступление советских войск. И вот с горы катятся в белых маскхалатах лыжники. Поравнялись с нами, спрашивают: “Где гитлеровцы?” Показываем на юг, куда те подались. У немцев была привычка раздеваться на ночь до нижнего белья. Застали их врасплох, бросились утекать чуть ли не босиком, но танкисты догнали и вернули в село. Дали одеться, обуться, а то обморозились бы, околели в поле. К пленным относились по-человечески...

Стародубцев тяжело вздохнул. Память сохранила многое до мельчайших деталей. Чуть помедлив, продолжил:

— Село Воловчик переходило из рук в руки трижды. Помню такой случай. Наши отступили. Тишина. Слышим, где-то на окраине заурчала бронемашина. В одну из изб зашли трое старших офицеров-немцев: два полковника и майор. На улице выставили часовых. А в доме сидел красноармеец, чистил винтовку. Увидел фрицев — и дёру. На соседнем дворе находились еще двое наших бойцов. У них сломалась полуторка, и они ремонтировали ее. При появлении немцев подняли стрельбу из автоматов. Часовые забежали в дом. Тогда наши обложили избу соломой и подожгли. И что ты думаешь? Никто из гитлеровцев так и не вышел! Сгорели. А красноармейцы тем временем подцепили к бронемашине полуторку и рванули в сторону райцентра Волово. Самое удивительное, что дед с бабкой — хозяйева этого дома — каким-то чудом уцелели, спрятавшись под русской печкой...

— Как не задохнулись? — недоверчиво покосился я на собеседника.

— Хочешь верь, хочешь не верь, — развел руками Василий Александрович. — Вылезли из руин измазанные в саже, лица перепуганные, плачут... Собрался народ. Приковылял на протезе и старый солдат, потерявший ногу еще в первую империалистическую войну. Посмотрел он на пепелище и говорит: “Братцы, немцы — народ серьезный, оставлять здесь трупы нельзя. Узнают правду — сожгут всё село. Тащите фрицев в песчаный карьер и закопайте...” Так и сделали. Через какое-то время появилась колонна неприятельских машин. Стали рыскать по дворам, интересоваться: не видел ли кто пропавших офицеров? Одни недоуменно пожимали плечами, другие показывали на восток, мол, укатили туда. В селе шестьсот дворов, три тысячи жителей. Никто не проговорился! Потом рассказывали, что в Волово фашисты, так и не дознавшись, куда исчезли офицеры, согнали в сарай человек восемьдесят — стариков, женщин, подростков — и всех сожгли заживо... Зверствовали и у нас! Убили моего школьного друга Ваню Печерского, а его мать тяжело ранили. Дело было так. Две семьи спрятались на огороде в погребе. А немцы шли от дома к дому и шмаляли из автоматов во все стороны. Один открыл дверь в погреб, где сидели соседи, и, не глядя, дал очередь. Пуля прошла парнишке живот...

Мы сначала боялись высовываться на улицу, но потом осмелели: есть чего-то надо. Как-то пасу коров в поле. Рядом останавливается грузовик. Вылазят четверо здоровяков с закатанными по локти рукавами френчей. Лопочут что-то на своем языке, показывают пальцами на животных. Высмотрели жирную корову, и хлоп из автомата! Тут же освежевали, погрузили тушу на машину и увезли. Хозяйка потом вся изревелась. Бывало и так: пашешь в поле, а снаряды разрываются совсем рядом. Особенно упорные бои шли в середине июля сорок второго года. Линия фронта пересекала Ливны, Елец, Кшень, Мармыжи. Наше село обороняла рота, состоявшая наполовину то ли из узбеков, то ли из киргизов. В бою одного из них убило осколком. Несколько человек склонились над убитым и давай выть диким воем, вздевая руки к небу. А мины-то ближе и ближе. Прибежал молодой лейтенант с пистолетом в руке, разогнал паникеров. Тут — бац! На том месте, где только что стояли солдаты, дымится глубокая воронка...

У церкви сошлись в штыковую. Жуткая картина! Чуть не вся рота полегла, но и фашистов было убито порядочно. Пока они своих не подобрали, мы не решались хоронить красноармейцев. Полгода жили в оккупации. Под Новый год Воловчик освободили. Радости-то было!

А перед битвой на Курской дуге, в 43-м, на окраине села наш артиллерийский полк проводил учения. Таскали в поле на тросах макеты “тигров”, имитируя бой, чтобы батареи могли пристрелять пушки. Упряжки сновали туда-сюда. Ну, а мы, ребята, тут как тут! На мосту через ручей одно из орудий застряло, перегородив путь другим. Чернявенький такой командир полка подлетел верхом на лошади к артиллеристам и давай стегать плетью. Кто-то не выдержал – ткнул коня штыком в зад. Тот взвился на дыбки и, обрушив перила, рухнул с седоком в воду. Вытащили полковника еле живого – идти не может, сломал ногу. Увезли в госпиталь. Командование полком принял на себя его заместитель – бывший священник. Высокого роста, крупного телосложения, с густой окладистой бородой. Тот не приказывал бойцам, а просил: “Голубчик, целься поточней!” Солдаты его уважали.

Запомнилось, как они уходили. Построились в шеренги, вынесли Красное знамя. Каждый дает клятву биться до последнего дыхания. Заиграл оркестр, грянула песня: “Вставай, страна огромная...” И колонна тронулась в сторону Кшени. Впереди на коне с развевающейся чёрной бородой ехал командир. Рассказывали потом: этот полк не пропустил ни одного “тигра”, хотя и понес ощутимые потери. Священник будто бы остался жив.

Откуда нам было знать, что и наш отец сражался рядом в составе 193-й бригады морской пехоты? Под Курском его ранило. Провезли в госпиталь почти мимо дома – до станции Набережной от нас всего-то восемнадцать верст. Перед этим он бился в Сталинграде, где его тоже зацепило. Третье ранение получил в боях за Варшаву. Год провалялся в госпитале в Свердловске. Вернулся лишь в ноябре сорок пятого. Мы и не чаяли увидеть его живым.

Мать, Александра Ивановна, пережила за войну столько, что не приведи Господь пережить никому другому. По гектару в день косила косой пшеницу, на тележке вместе с другими женщинами возила сдавать зерно на железнодорожную станцию – в помощь фронту. А ведь и свою ораву надо было прокормить. У меня от войны тоже осталась глубокая зарубка на памяти. Такое не выветривается из головы до самой смерти...

– А дальше-то как сложилась ваша судьба? – поинтересовался я, воспользовавшись паузой в разговоре.

Василий Александрович сдвинул брови к переносице и продолжил:

– В сорок седьмом году, закончив семилетнюю школу, вместе с дружкой Димкой Щегловым рванули на товарняке в город Борисоглебск Воронежской области – поступать в летное училище. Обоим было по шестнадцать лет. Дважды снимали с поезда милиционеры. Добирались трое суток. Приехали. Интересуемся: что и как? Оказалось, приемные экзамены уже прошли. Мы опоздали. Тогда попробовали к начальнику училища. Показываем аттестаты с пятерками. Полковник посмотрел на нас с сожалением и говорит: “Ничем, ребята, помочь не могу. Приезжайте на следующий год...” Вернулись домой. Ждали с нетерпением лета, чтобы вновь попытать счастья. Увы, через год в училище стали принимать только с десятилетним образованием. Конечно, огорчились. Но тут кто-то подсказал податься в город Жуковский Московской области, где знаменитые ЦАГИ и ЛИИ. Устроился на работу грузчиком в строительно-монтажное управление, а по вечерам стал ездить на электричке на занятия в Раменский аэроклуб. Жил в общежитии. Вскоре забрали в армию и по спецнабору зачислили курсантом в Переяславль-Залесское авиационное училище. Сбылась мечта! По окончании училища направили в бомбардировочный полк, стоявший в Воронеже. Летал бортмехаником в звании лейтенанта на Ил-12, потом – на Ил-14. Налетал более девяносто часов.

Будущее рисовалось в радужных красках: “Непрременно дослужусь до генерала!” Но тут к власти пришел Никита Хрущев, объявил о резком сокращении численности вооруженных сил. Боевые летчики приуныли: менять мундиры с золотыми погонами на рабочие спецовки? Не всякого устраивала подобная перспектива. Служили, служили и выбрасывают на улицу... Это ж трагедия! Вспоминаю каменное лицо заместителя командира эскадрильи капитана Шурыгина. Грудь в орденах, красавец. Заступил на дежурство и застрелился из табельного пистолета. А сколько еще было поломано судеб! Вслед за первой

волной сокращений последовала вторая. Вызывает меня командир эскадрильи Иван Васильевич Швецов и говорит: “Дружок, сердце кровью обливаешься, но нарушить приказ не вправе. Пиши заявление об увольнении. Уверен: не пропадешь и на гражданке выбьешься в генералы...”

— Представляю, что творилось у вас в душе!

— Рвал и метал, — подхватил Стародубцев. — Пришлось спуститься в буквальном смысле с неба на землю. Вернее — под землю. Устроился работать на угольную шахту в Новомосковском районе Тульской области. Вначале забойщиком, потом механиком-машинистом горного комбайна. Так промелькнуло восемь лет. Приняли в КПСС, избрали членом партийного бюро шахты. К тому времени закончил десять классов в вечерней школе, поступил в сельскохозяйственный институт, что многих сильно удивило. Женился. Кстати, с Тамарой Александровной познакомился в той самой школе. Она преподавала там русский язык и литературу. Родились сын и дочь. Нет-нет и подумывал о земле — все-таки крестьянского корня, но как-то не решался уйти с шахты.

Помог случай. После одной из партконференций пошли ужинать. За столом — первый секретарь Новомосковского горкома Иван Петрович Дронов, директор шахты Петр Егорович Щекочихин, другие “киты”, а я сижу себе скромненько в сторонке. Выпили по рюмке. Разговорились. Зашла речь о селе: мол, не хватает дипломированных руководителей в хозяйствах. Директор шахты кивает на меня: “Вон готовый председатель колхоза. Мы думали, он в инженеры метит, а поступил в сельхозвуз. Знать, судьба такая...” Дронов восторженно: “А почему бы и нет? Давай председателем в колхоз имени Ленина. Дела там не ахти. Может, выправишь...”

Упираться не стал, но вначале решил поднабраться опыта. Попросил направить меня на курсы повышения квалификации руководителей колхозов и совхозов. Так получилось, что на этих курсах мы сошлись одновременно трое братьев: Дмитрия потом направили руководить колхозом “Дружба”, Федора — в “Восьмое марта” Суворовского района, ну, а я поехал в Спасское. Надо было, чтобы мою кандидатуру утвердило колхозное собрание. Зима. Мороз. Люди пришли в холодный клуб. Мужики по правую сторону от сцены, женщины слева. Гвалт, шум, ругань. А перед этим я был в колхозе на производственной практике и прояснил ситуацию в хозяйстве — узнал, кто есть кто. Бывший председатель Савинков не собирался уходить, надеялся, что колхозники “прокатят” молодого. Нашлись у него и защитники, оравшие громче всех, но за меня высказались бабы, уставшие от пьянок мужей, безденежья. Два года не платили зарплату. Зерна намолачивали девять центнеров с гектара. Триста коров, столько же свиней, двести овец. Надои не дотягивали до двух тысяч литров. Откуда быть доходам?

Не знаю уж, как я выглядел тогда в глазах колхозников — мне было всего тридцать два года от роду — опыта маловато, кроме горного стажа, но это не смутило народ: большинство проголосовало за меня. Женщины напустились на мужей: “Замолчите, алкоголики! О детях подумайте: что их ждет...”

Дали слово мне. Зал притих. Коротко рассказал о себе, а дальше повел речь о деле. Говорю: “Я не принес вам миллион рублей, чтобы погасить долги, но этот миллион мы вместе заработаем. Только при одном условии: если будем трудиться на совесть. Я — по восемнадцать часов в день, вы — по двенадцать. Пока хозяйство не встанет на ноги. Бездельникам и пьяницам — пощады не будет, а вот инициативных поддержу. На шахте у меня зарплата была триста рублей, к вам приду на сто двадцать. Так что не думайте, буд-то сажусь в председательское кресло ради личной наживы...”

Начались тяжелые будни. В первый год собрали по осени по четырнадцать центнеров зерна с гектара. Подтянули животноводство, заготовив необходимый запас кормов. Народ ждет: что выйдет на трудовень? Объявляю: получите по два килограмма зерна и пятьдесят копеек деньгами. В ответ — смешки, ухмылки: дескать, вранье, пустая болтовня. В первую очередь отгрузили хлеб в счет госпоставок. И вот в субботу спрашиваю бухгалтера: “Готова ли ведомость?” “Да, готова”, — отвечает. “Завтра будем выдавать заработанное...” Никто не верит! С ночи встали в очередь. Рассчитались со всеми сполна. Некоторые получили до трех тонн зерна. Воспрянули духом. Через неделю меня вызывают в район. Приехал ответственный работник сельхозотдела ЦК КПСС Орешкин. Собрали руководителей хозяйств: надо сдать государству дополнительно столько-то тысяч тонн зерна. Лето тогда выдалось засушливым, в ря-

де мест не обеспечили себя даже семенами. Заходили в кабинет первого секретаря по одному, до каждого доводили задание. И никаких возражений! К полночи остались двое несговорчивых: я и председатель соседнего колхоза Хохлов. Объясняю, дескать, план госпоставок перевыполнили на двадцать процентов; себе тоже надо что-то оставить. Без комбикормов не будет ни молока, ни мяса. Убедил: не отбирать же зерно у колхозников...

Скептики не унимались; вряд ли Стародубцев выдержит такую нечеловеческую нагрузку. Сломается. А он действовал кнутом и пряником. Неожиданно появлялся ночью то на полевом стане, то на ферме, то на строительных объектах. До всего доходил сам, вникал даже в мелочи. Ополчился на пьяниц. В гараже оборудовали медицинский кабинет, где врач по утрам освидетельствовал всех водителей машин и трактористов, выезжающих на линию. За прогулы наказывали рублем. И наоборот: отличившимся в работе – солидные премии.

В колхозе развернулось бурное строительство. Возвели современный животноводческий комплекс, Дворец культуры, бассейн, новую школу. Появилась улица с многоквартирными домами городского типа. Кругом – клумбы с цветами. Село на глазах преобразилось. Урожаи зерновых довели до пятидесяти центнеров с гектара – как на Кубани. Поголовье скота увеличили в несколько раз. Надои молока в среднем на корову составляли шесть с половиной тысяч килограммов. Зачастили делегации перенимать опыт, в том числе и иностранцы. В 1976 году Василию Александровичу присвоили звание Героя Социалистического Труда. Он защитил диссертацию, стал кандидатом сельскохозяйственных наук, а потом и членом-корреспондентом Россельхозакадемии. Коллектив со 180 человек вырос до полутора тысяч. По решению местных властей к ним присоединили отстающий колхоз “Рассвет” и часть земель племзавода “Большевик”. Почти десять тысяч гектаров пашни! На фермах – передовые технологии доения и кормления коров, искусственное осеменение. Две доярки, главный зоотехник и инженер-строитель стали лауреатами Государственных премий.

Строили свои хозяйства в лидеры и братья. Дмитрий и Федор также много трудились, бились за рекордные урожаи, привесы, надои. Родители переехали из Липецкой области в Спасское. Построили небольшой домик, обзавелись подворьем. Теперь у них часто собиралась вся семья. Младший Алексей пошел по военной линии, дослужился до полковника ракетных войск. Закончили институты сестры Катерина и Лидия. У всех народились дети...

Тут Стародубцев умолк, думая о чём-то своём. Беда настигла их семью неожиданно. По навету сначала завели уголовное дело на Дмитрия, а потом и на Федора Стародубцевых. Дмитрий первым в стране создал агрообъединение “Приволье”. Вдруг: строгий выговор по партийной линии. За что? За мешкался с посадкой картофеля. Хотя вся Тульская область припозднилась с севом. Это был только формальный повод, чтобы “нагнуть” строптивного руководителя. Началось следствие: раздули миф о создании преступной группы вместе с бухгалтером и прорабом, якобы похитившей 187 тысяч рублей! А у Дмитрия всё описанное имущество не дотягивало до трех тысяч. Ни сберкнижки, ни личной машины. Даже собственным домом не обзавелся. Увы, осудили, упрятали за решетку.

Федора обвинили за покупку в местном рыбхозе тридцати тонн комбикормов. Год выдался тяжелым, хозяйства испытывали нехватку фуража. Первый секретарь райкома партии дал команду директору рыбхоза поддержать четыре колхоза, в том числе и стародубцевский. Расплачивались наличными, что и вменили в вину. Под суд уехали лишь Федора. Дали пять лет. Потом Верховный суд отменил приговор...

В ту пору я работал в сельхозотделе газеты “Правда”. Знал про историю с братьями Стародубцевыми. Мы опубликовали письмо колхозников в их защиту. Материал вызвал гнев в обкоме партии. Его первый секретарь Юнак пожаловался в ЦК. Собственного корреспондента газеты по этому региону Владимира Швецова обвинили в том, что статья вышла не без его участия. Ему объявили строгий выговор и принудили уйти из газеты. Он перенес инфаркт и, по сути, стал инвалидом. Напомнив об этом Василию Александровичу, заинтересовался:

– А что же послужило истинной причиной “наката” на вас?

Собеседник глухо произнес:

– Подкапывались-то главным образом под меня! Не угодил первому секретарю Тульского обкома партии Ивану Харитоновичу Юнаку. Он родом из Винницы, работал до этого председателем Днепропетровского облисполкома. Был вхож к генсеку Брежневу. Нередко хвастался этим, любил покрасоваться на трибуне. Мы ему – как кость в горле! Чересчур самостоятельны. Да еще кто-то сбрехнул, что я мечу на его место. Не стесняясь, заявил: “Я этих “дубов” всех повырублю!” И что ты думаешь? В конце концов возбудили уголовное дело и против меня по статье “Использование колхозных средств на цели, не связанные с сельскохозяйственным производством”. О чем речь? В Спасском еще до войны закрыли церковь. Немцы превратили ее в конюшню, на колокольне установили пулемет. Храм пережил и обстрелы, и бомбежки. При колхозе помещение использовали как кузницу, потом как склад минеральных удобрений. Купола рухнули, стены посыпались. Совсем разрушилась бы церковь до основания, если бы мне не пришла в голову мысль – отреставрировать святыню. Она была построена в память о герое Отечественной войны двенадцатого года, генерале Петре Багратионе. Село когда-то входило в его поместье. Пригласил специалистов. На реставрацию требовалось аж двести с лишним тысяч рублей! За эти деньги можно было построить пятидесятиквартирный дом. Однако колхозники высказались за восстановление храма. Так и сделали. Когда сняли леса, верующие ахнули: “Какая красота! Теперь есть где помолиться...” На главах засияли золоченые кресты, зазвонили колокола. На освящение храма собралась много людей. А на другой день появились чекисты и давай рыться в документации. Донесли Юнаку. Ну, и дело закрутилось... Спасло меня то, что грамотно оформили все бумаги. Деньги на реставрацию использовали только колхозные, а не государственные, ссудные. Не то бы тоже угодил на скамью подсудимых.

Был у меня разговор напрямки с Юнаком. Два часа беседовали у него в кабинете. Говорю ему: “Зачем же гнобить тех, кто пашет и сеет, работает на страну? На любого можно накопать компромат...” Он молчал. Потом смягчился: “Спасу Дмитрия, при условии что напишет жалобу на председателя облисполкома Синегубова...” Тут уж я взорвался: “Нет, пусть лучше брат отсидит срок, чем идти на такую подлость”. На этом и расстались.

После полутора лет отсидки в тюрьме Федор вернулся в свой колхоз. Люди снова избрали его председателем. А вот Дмитрию пришлось искать работу на стороне: уехал в Ворсино Калужской области. Однако вскоре туда прибыли представители Тульского обкома партии и потребовали снять его с занимаемой должности. Тогда брат перебрался в Наро-Фоминский район Московской области, где устроился заместителем директора одного из совхозов. Но и тут Юнак достал! Подался Дмитрий в Ярославскую область. Там предложили возглавить совхоз-племзавод имени Дзержинского. Однако и сюда нагрянули гонцы из Тулы. Но тут вступился за брата первый секретарь Ярославского обкома партии Федор Иванович Лощенко. Прямо заявил ходатаям Юнака: “Вам что, делать нечего? Чего гоняетесь за человеком?”. И посланцы Юнака отступились...

– А я ведь после приезда к Дмитрию Александровичу много раз, – вырвалось у меня. – Хозяйство у него было крепкое. Вместе ездили по полям, фермам. Полторы тысячи высокоудойных коров. Помню, идем по проходу, а он называет клички каждой...

Василий Александрович улыбнулся:

– Любовь к животным у него с детства. Благодаря своей корове мы ведь и выжили в войну.

– А как вы оказались среди членов ГКЧП?

– Этому предшествовала нешуточная борьба, развернувшаяся на Первом съезде народных депутатов СССР. Я возглавлял самую крупную фракцию аграриев: четверта семнадцать человек. Уже тогда понял, куда гнет генсек Михаил Горбачев. Спорил с ним до хрипоты. Он сразу записал меня в число недругов. В восемьдесят девятом году, когда моя кандидатура рассматривалась на выдвижение первым заместителем председателя правительства страны, против был только генсек. Последующие события подтвердили мою правоту: Горбачев не только сдал КПСС, но и предал весь народ. Разве я мог оказаться в стороне в момент смертельной опасности для Отечества? Без колебаний подписался под обращением к народу в девяносто первом году. К сожалению, не удалось предотвратить развал великого государства. Власть

перешла в руки Бориса Ельцина и его приспешников. Что произошло дальше со страной, известно...

– Где вас арестовали?

– В Москве на квартире у одного из знакомых. По телевизору распустили слух, будто я сбежал в Китай. Не стал скрываться, позвонил сам в Генеральную прокуратуру. Тут же приехали чекисты, посадили в “рафик” и увезли на допрос. Ночью переправили в тюрьму города Кашина Тверской области. Долго не разрешали никаких передач. В камере двое уголовников. Жесткая изоляция. Но никакого компромата на меня так и не накопили. По сей день благодарен колхозникам за то, что поддержали в трудную минуту. Приезжали в Москву, требуя моего освобождения. Всё это время мой кабинет в хозяйстве оставался пустым.

– А потом туляки дважды избирали вас губернатором...

– Первый раз в девяносто седьмом году. Незадолго до дефолта. Положение было тяжелым. Бастовали шахтеры, учителя, врачи. Задерживали выдачу пенсий. На селе – полнейший разор. Молоко у крестьян покупали по цене втрое ниже минеральной воды. Росло число предприятий-банкротов. Подобрал команду специалистов-единомышленников, и взялись разгрести завалы. Разумеется, кремлевские деятели относились к “красным” губернаторам предвзято (на выборах в Курске тогда победил коммунист Михайлов, во Владимире – Виноградов). Однако все же удалось подправить экономику области, решить ряд социальных проблем. Все упиралось в нехватку финансовых средств. Постоянно давили сверху...

– У Ельцина бывали на приемах?

– Приходилось... В частности, по Агробанку, некоторым другим вопросам. Встречал хмуро. О ГКЧП – ни слова. Знал, что со мной сладить не так просто. К тому времени он уже ослабел, запутался в “реформах”. Страна катилась в пропасть. В конце концов, сдал бразды правления преемнику Владимиру Путину...

– Василий Александрович, при вас получили поистине всероссийский размах праздники в честь победы русских войск под предводительством Дмитрия Донского на Куликовом поле. Это тоже большое дело.

– Военно-историческому музею-заповеднику придали государственный статус. Привели, как говорят, в божий вид два храма: Пресвятой Богородицы и Сергея Радонежского. Ежегодно в третью субботу сентября к нам съезжаются десятки тысяч паломников со всей страны. Устраиваются грандиозные театрализованные фестивали. Обязательно – военный церемониал, панихида в память о погибших. Дважды был на этих праздниках покойный Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. Выступал перед народом, говорил о великом значении победы на Куликовом поле. Символично, что в поединке перед битвой монаха Андрея Осляби и татарского мурзы Челубея верх одержал православный воин. Молодежь надо воспитывать как раз на таких примерах доблести и чести, беззаветной любви к Отечеству.

– О чем вы говорили с патриархом?

– Встречал Святейшего на границе Тульской области. Остановливался он обычно в резиденции “Богучарово”. Беседы были сугубо доверительные. Слова крестьянин и христианин – одного корня. Быстро нашли точки соприкосновения. Алексия интересовала жизнь глубинки, меня – его оценка происходящего в стране. Он понимал, что Россия в опасности, народ придавлен, большинство влачит жалкое существование. Сетовал: “Церковь тоже пытаются использовать в политических целях. Например, с признанием подлинности останков царя Николая Второго и его семьи. Однако не всё в этом деле нам было ясно. Потому и высказали свои возражения...” По приглашению Патриарха я был у него на дне рождения в Москве...

– Вашу семью тоже постигло горе: сначала похоронили жену, потом мать, братьев, сына...

Стародубцев достал из кармана пиджака носовой платок и промокнул глаза:

– От судьбы не убежишь. Тамару Александровну подкосила весть о моем аресте. Умерла от инсульта, Дмитрий и Федор скончались, считай, в один день в конце октября две тысячи седьмого года. Жизнь обоих потрепала изрядно. Сын мой, Александр, был фермером. Но что может сделать в сельском хозяйстве одиночка? И вот надорвался...

Тут мы подошли к тому, что больше всего волнует сейчас Стародубцева: есть ли возможность выправить положение дел в деревне? Василий Александрович покосился на телевизор, по которому шла программа “Время”:

— Ну хоть одно словечко услышишь по этому “ящику” о крестьянских бедах? Молчок. Как будто бы не существует сорока миллионов сельских жителей. За последние двадцать лет исчезли с лица земли десятки тысяч деревень, в запустении половина пашни, скот почти весь вырезан. Разве только в птицеводстве и свиноводстве некоторые успехи. Надо прямо сказать: раз-рекламированный национальный проект “Развитие АПК” ситуацию не переломил. Урожай зерновых скатился в 2010 году до шестидесяти миллионов тонн. Напомню: в советское время намолачивали вдвое больше. А что с картошкой? Площади под этой культурой в хозяйствах сократились в десять раз. Позор: завозим клубни из Израиля, Франции, Польши, Белоруссии и даже из Перу!

Из шестнадцати миллионов коров, имевшихся в колхозах и совхозах на девяностый год, осталось только три с половиной миллиона! Откуда ж быть молоку? Народ пичкают импортной отравой. Население убывает по миллиону в год. Сказка о фермерах, которые, дескать, завалят страну продовольствием, увы, не сбылась. За развал агропромышленного комплекса, рано или поздно, кому-то из “реформаторов” придется все-таки отвечать перед народом. В глубине души у меня еще теплится надежда, что опеченение спадет и люди воспрянут духом. Споткнуться — не значит упасть. Пока не утрачен полностью научный потенциал АПК, в хозяйствах сохраняются высококвалифицированные специалисты, худо-бедно, но выпускают трактора и комбайны отечественные машиностроители. Важно собрать все силы и по-настоящему взяться за возрождение деревни. Верю: так оно и будет!

Один из самых эффективных хозяйственников СССР, председатель Крестьянского союза, член Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), узник “Матросской тишины”, депутат Совета Федерации, губернатор Тульской области, депутат Госдумы — Василий Александрович СТАРОДУБЦЕВ неизменно на передовой общественно-политической жизни. Талантливый организатор, стойкий и мужественный человек, Василий Александрович дорог всем патриотам России.

*Сердечно поздравляем
выдающегося сына русской деревни
со славным юбилеем!*

Редакция